ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

LECTORI BENEVOLO SALVTEM!

Настоящим номером мы начинаем издание нового журнала, посвященного классической филологии и античной истории – тому, что называется «антиковедением» (и что немцы назвали *Altertumswissenschaft*). Журнал финансируется «Русским фондом содействия образованию и науке», который развивает ряд образовательных проектов, в том числе издание антиковедческой литературы и создание Университета имени Дмитрия Пожарского. Уже в названии журнала («Вестник классической филологии и античной истории») мы хотели подчеркнуть единство этих двух специальностей, их нерасторжимую связь, что мы и намерены продемонстрировать в публикуемых материалах. Мы уверены, что немногие существующие журналы по антиковедению не закрывают полностью потребности отечественной науки и наш журнал найдет своего читателя. Оформление журнала и его рубрики предполагают, как нам кажется, нацеленность на более широкий круг читателей, чем, например, у «Вестника древней истории». Кроме того, мы приглашаем печататься на страницах журнала не только маститых антиковедов, но и молодых ученых, которым есть что сказать своим коллегам, но возможности публикации которых пока ограничены. Вместе с тем мы будем стараться сохранять высокий академический уровень публикуемых статей и материалов. Для поддержания этого уровня созданы редколлегия журнала и редакционный совет, в который вошли не только отечественные, но и зарубежные антиковеды.

Несколько слов следует сказать о названии журнала – «Аристей». Это имя носил греческий поэт VII или VI века до н. э., происходивший из города Проконнеса, который находился на одноименном острове в Мраморном море. Как свидетельствовали многие античные авторы, и, прежде всего, Геродот, Аристей первым посетил северо-восточную окраину известного тогда мира, т. е. побывал на территории совр. Восточной Европы, и написал поэму под названием «Аримаспея», в которой рассказал о живущих там народах. Именно Аристей заложил историографическую традицию помещать севернее Понта Эвксинского (Черного моря) реальных и легендарных скифов и киммерийцев, затем исседонов, аримаспов, грифов и гиперборeев, живущих уже на берегу Северного океана. На протяжении многих веков вплоть до Нового времени эти этногеографические представления о Восточной Европе, происходящие от Аристея, оставались доминирующими. Имя легендарного поэта наш журнал носит еще и потому, что история Северного Причерноморья в античности будет составлять одну из важнейших тем публикаций.

Подробнее об Аристее, его поэме и вопросах, связанных с датировкой «Аримаспеи», рассказывается в первой статье этого номера, которую специально для нашего журнала написал петербургский антиковед Дмитрий Алексеевич Щеглов. Я приношу ему глубокую благодарность за эту интересную работу.

Как читатель может видеть из содержания, в первом номере журнала представлены материалы, посвященные различным аспектам античной – греческой и римской – истории, филологии, мифологии и искусства.

Кроме статей, написанных специально для нашего журнала, мы открыли рубрику, в которой намерены в ближайших номерах публиковать материалы I научных чтений памяти И. В. Цветаева «Изображение и слово в античной культуре». Чтения прошли в декабре 2008 года в РГГУ и были задуманы как площадка для встречи искусствоведов, филологов и историков, занимающихся античностью. Эта идея прекрасно вписывается в концепцию нашего журнала, предполагающую творческое соединение различных направлений антиковедения в едином научном пространстве.

Имея в виду ту роль, которую играет латинский язык в возрождении элементов классического образования в среднем и высшем гуманитарном образовании России, мы намерены сделать постоянной рубрику «Латынь сегодня», в которой будут публиковаться статьи отечественных и зарубежных антиковедов, написанные на латинском языке.

Постоянными рубриками станут также Критика и библиография антиковедческих исследований и Хроника событий, связанных с развитием классической филологии в нашей стране.

Мы надеемся, что журнал будет полезен всем, кто занимается античностью профессионально или просто интересуется ею. Мы ждем новых интересных статей и предложений по улучшению содержания и формы нашего журнала.

Москва, май 2010 года

А. В. Подосинов

Главный редактор журнала

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 5

Д. А. Шеглов
Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации 9

Латынь сегодня

A. V. Podosinov
De nonnullis locis communibus in barbaris septentrionalibus describendis apud scriptores Latinos 35

Статьи

А. А. Евдокимова
Системы акцентуции греческих папирусов и парфений Алкмана 41

М. И. Касьянова
Кто такие «трехтелесные Тифоны»? О возможной интерпретации Eur. Herc. 1271-1273 53

Н. Е. Самохвалова
Концепция «колоссального» произведения: Страбон и Помпоний Мела 70

М. В. Шумилин
Метрические argumenta Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I. Argumenta Barthiana) 78

Цветаевские Чтения

А. В. Агафонов
О первых научных чтениях памяти И. В. Цветаева «Изображение и слово в античной культуре 106

Д. О. Торшилов
Возможные объяснения аллегорических толкований Гомера Метродором из Лампсака 110

Н. М. Никулина
Греческая монументальная живопись. Мифология. Театр 118

Н. А. Налимова
Фигалийский фриз и «троянские» драмы Еврипида. К вопросу о влиянии театра на пластические искусства Древней Греции 131

А. А. Рагулина
Сочетание кругового (зеркального) прочтения рельефов римских саркофагов (на примере рельефа Уваровского саркофага из ГМИИ им. А. С. Пушкина) **и поэмы Нонна Панополитанского «Деяния Диониса»** 143

Л. А. Самуткина
Античная скульптура в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы 154

О. Ю. Самар
Аттическая чёрнофигурная вазопись и рождение аттической трагедии. Герои и «зрители» в вазовых композициях этого времени. 164

Критика и библиография

А. В. Подосинов
К выходу в свет нового собрания античных источников по истории Северного Причерноморья 172

Хроника

Классическая филология в России в 2009-2010 гг 178

В. В. Файер
О Первой летней школе по древним языкам и античной культуре (август 2009 г.) 185

Приложение: Классические языки в России

И. В. Кувшинская
Coronae species templum exhibit. Латинские надписи храма Знамения Пресвятой Богородицы в Дубровицах. 189

Сокращения 210

Наши авторы 212

Правила оформления присылаемых статей 213

АРИСТЕЙ I (2010)
С. 9-34

Д. А. Щеглов

АРИСТЕЙ ИЗ ПРОКОННЕСА: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

По мере становления новых центров изучения античности в странах, далёких от очага изучаемой цивилизации, популярность приобретают такие названия для местных научных изданий, которые подчёркивают особенность своей *alma mater*. Так, журнал, издаваемый Санкт-Петербургским Античным кабинетом, назван “Hyperboreus” (где же ещё жить блаженным гипербореям, как не в Северной столице?), Екатеринбургский антиковедческий журнал – “Исседон” (именно на Урале исседонов обычно локализуют историки), польский – “Eos”, финский – “Arctos”, австралийский – “Antichthon”, южноафриканский – “Akroterion” (намёк на мыс Доброй Надежды). Выбор Аристея в качестве эпонима российского антиковедческого журнала глубоко символичен. Отечественная научная традиция уже давно сформировала свой особый образ Аристея, видя его, прежде всего, в роли коммуникатора – человека, который впервые установил контакт между Элладой и народами, населявшими в древности территорию России, вписав их тем самым в античную картину мира[1].

Аристей, автор эпической поэмы «Аримаспея», – фигура уникальная и загадочная[2]. Уникальная – потому что с именем Аристея связано появление

[1] См. Мачинский 1993: 8-10.

[2] Основополагающий труд об Аристее, издание свидетельств о нём и фрагментов «Аримаспеи»: Bolton 1962; наиболее убедительная реконструкция путешествия Аристея: Пьянков 2005; филологический анализ фрагментов «Аримаспеи» и рассмотрение вопроса о её датировке: Иванчик 1989; Ivantchik 1993; ср. также Bowra 1956; альтернативный предложенному Болтоном взгляд на Аристея: West 2004; недавние публикации не добавляют ничего нового: Alemany i Vilamajy 1999; Mercier 2006.

древнейших в античной традиции сведений о севере ойкумены. Загадочная – потому что по всем ключевым вопросам исследователи высказывают диаметрально противоположные мнения. Кем был Аристей: античным Марко Поло – выдающимся путешественником, который открыл для эллинской цивилизации просторы Евразии, или чудотворцем, который совершал астральные путешествия подобно дону Хуану Кастанеды? О чём говорилось в его поэме, и какова её роль в формировании географических представлений античности? В каком веке он жил? Именно этим трём вопросам и посвящена данная статья.

Ситуация с Аристеем типична для антиковедения: с одной стороны, – крайне узкий круг известных фактов, с другой – широкий простор для интерпретаций, зачастую настолько же радикальных в своих выводах, насколько и спекулятивных в способах их обоснования. Поэтому задача данной работы будет заключаться не в том, чтобы сказать об Аристее новое слово, а в том, чтобы, избегая соблазна далеко идущих выводов и отбрасывая рискованные интерпретации, постараться выявить наиболее надёжное основание наших знаний об Аристее и его поэме «Аримаспея».

Коль скоро в этой задаче на равных правах присутствуют два «неизвестных» – сам Аристей и его поэма, то, соответственно, возможны два направления поиска решения: (1) анализ свидетельств о самом Аристее и (2) реконструкция содержания «Аримаспеи» и поиск возможных заимствований из неё. Как мы увидим далее, эти направления расходятся диаметрально и в итоге приводят к совершенно разным представлениям об Аристее. Соответственно, статья строится следующим образом: в первой части мы рассмотрим свидетельства о самом Аристее, во второй – о содержании «Аримаспеи», а в третьей обратимся к вопросу о датировке жизни Аристея.

I. ПУТЕШЕСТВЕННИК ИЛИ ЧУДОТВОРЕЦ?

Вопрос о том, кем был Аристей, до сих пор остаётся наиболее спорным. С одной стороны, большинство исследователей начиная с XIX века относились к фигуре Аристея с недоверием. Его рассматривали сначала как одного из легендарных чудотворцев наряду с Абарисом, Залмоксисом, Гермотимом и Ономакритом[3], затем – как греческого «шамана»[4], наконец, – как мистико-религиозного поэта[5]. С другой стороны, Дж. Д. П. Болтон, автор единственной

[3] Bethe 1896; Rohde 1925: 300; Bremmer 1983: 27-38; история вопроса: Bolton 1962: 124-125.

[4] Meuli 1935; Dodds 1951: 141; Phillips 1955: 175-177; Bowra 1956: 2; против термина «шаманизм» применительно к Аристею: Bremmer 1983: 35-38; West 2004: 58-61.

[5] Dowden 1980; West 2004.

капитальной монографии об Аристее, представляет его в качестве реального путешественника и заслуживающего доверия информатора[6]. Кто же прав?

Как будет показано далее, вопрос об оценке личности Аристея, по сути, сводится к вопросу о том, кому мы больше верим – Геродоту или Максиму Тирскому?

Геродот, так или иначе, остаётся главным источником сведений об Аристее и отправной точкой для любых гипотез и интерпретаций. Его рассказ (IV, 13-16) состоит из трёх частей: сведения, почерпнутые из поэмы самого Аристея (IV, 13, 16 = F. 1, 2 Bolton), а затем две истории, рассказанные Геродоту в Проконнесе и Кизике (IV, 14) и в Метапонте (IV, 15).

(1) Первый из этих текстов мы приведём полностью, поскольку именно он служит основой наших знаний как об Аристее, так и о его поэме[7] (пер. по: Доватур, Каллистов, Шишова 1982: 109):

> (13 = F. 1) Аристей, сын Каистробия, муж [родом] из Проконнеса, сказал в своих стихах, что, одержимый Фебом, он дошёл до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи – аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих – гипербореи, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей. И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами – скифы. Киммерийцы же, обитающие у южного моря, под натиском скифов покинули страну … (16 = F. 2) Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато повествование (т. е. страны скифов. – *Д.Щ.*)… И даже Аристей, о котором я упомянул незадолго перед этим, даже он в своих стихах утверждал, что дошёл не дальше исседонов, но о том, что находится выше, он рассказывал по слухам, говоря, что это рассказывают исседоны.

Другие два рассказа касаются уже только личности Аристея и не связаны ни с его поэмой, ни с путешествием:

(2) История, рассказанная в Проконнесе и в Кизике (IV, 14). Однажды, зайдя в сукновальню, Аристей умер. Сукновал запер мастерскую и поспешил за его родственниками, однако, придя назад, они не нашли там Аристея ни живого, ни мёртвого. Между тем некий кизикенец, только что прибывший в Проконнес из Артаки, сообщил, что встретил Аристея, идущего в Кизик[8]. На

---

[6] Bolton 1962; ср. Alemany i Vilamajy 1999; Пьянков 2005.

[7] Ср. Bolton 1962: 41.

[8] Считается, что Проконнес находился на небольшом острове Мармара в Мраморном море, Артака – ближайший к нему город на материке, а Кизик располагался восточнее

седьмой год после этих событий Аристей вернулся в Проконнес и написал поэму «Аримаспея», после чего исчез вторично.

(3) История, рассказанная в Метапонте в Италии (IV, 15). Через 240 лет после своего второго исчезновения Аристей объявился в Метапонте и приказал жителям воздвигнуть алтарь Аполлона и свою собственную статую перед ним, поскольку, по словам Аристея, Аполлон приходил в Метапонт, и Аристей сопровождал его в облике ворона. Сообщив это, Аристей исчез в третий раз.

Необходимо сразу отметить, поскольку в дальнейшем это наблюдение сыграет в наших рассуждениях важную роль, что последовательность сообщений у Геродота демонстрирует явную тенденцию. Рассказ, основанный на словах самого Аристея, не содержит никакой мистики[9]. Напротив, две детали говорят в пользу его достоверности: исторически точное описание механизма переселения кочевых народов[10] и ссылка на личный опыт путешественника[11]. Необычно здесь только то, что Аристей назван φοιβόλαμπτος – «одержимый Фебом»[12]. Второй рассказ уже содержит значительный элемент чудесного (но в принципе объяснимого). Третий же рассказ фантастичен от начала до конца[13].

Остальные источники, упоминающие Аристея, в большинстве своём не добавляют к сказанному Геродотом ничего нового. Они либо повторяют содержание его проконнесского и метапонтийского рассказов[14], либо просто от-

---

Артаки: Mercier 2006: 2. Высказывалось также предположение, что древний Проконнес находился на соседнем с Мармара острове Галонэ: Huxley 1986.

[9] Учитывая, что грифы и одноглазые люди упомянуты здесь только со слов исседонов. Как будет показано в разделе II, пассаж Геродота IV, 25.2-27 отражает сведения Аристея и также не содержит никакой мистики, зато приводит этнографически правдоподобное описание обычаев исседонов.

[10] «Основной закон степей», как удачно выразился Мачинский 1993: 9.

[11] Здесь Геродот явно рассматривает Аристея в качестве своего единомышленника в том, что касается метода исследования: West 2004: 44. Геродот неоднократно подчёркивает, что самые надёжные сведения – это те, которые опираются на личный опыт, а следующая за ними по степени надёжности категория – это сведения, основанные на рассказах очевидцев: Schepens 1980.

[12] Этот термин в зависимости от обстоятельств используется для описания разных состояний – от поэтического вдохновения до пророческой одержимости и душевного расстройства: LSJ; Bolton 1962: 134-135; West 2004: 53. Надо сказать, когда речь идёт о греке VII-VI вв. до н. э., который в одиночку отправился в многолетнее путешествие вглубь Скифии, а потом сочинил об этом поэму, все эти значения в отношении него представляются вполне уместными. Нет никакой необходимости трактовать этот термин как указание на астральный характер путешествия, как это делают Rohde 1925: 328; Dowden 1982: 491.

[13] Предполагается, что в образе Метапонтийского Аристея произошло смешение представлений об Аристее из Проконнеса и о почитавшемся во многих полисах героеойкисте Аристае (Ἀρισταῖος): Иванчик 1989: 46-47.

[14] *Apollonius*. Mirabilia, 2; *Plin*. N.H., VII, 174; *Plut*. Romul., 28; *Origen*. Contra Celsum,

носят Аристея к числу известных чудотворцев[15]. Только четыре сообщения, в целом оставаясь в рамках сюжетов, рассказанных Геродотом, отличаются от них в отдельных деталях. Так, у Плутарха (Romulus, 28) из сукновальни Аристей чудесным образом перемещается не в Кизик, а в Кротон. У Аполлония (Mirabilia, 2) он уже перемещается из сукновальни на Сицилию, после чего его исчезновения и чудесные возвращения много лет спустя, а также появления в разных местах повторяются многократно, за что сицилийцы почитают его как героя. У Плиния (N.H., VII, 174) душа Аристея уже в Проконнесе покидает тело через рот в облике ворона[16]. В словаре «Суда» (A 3900) душа Аристея покидает тело и возвращается обратно, когда захочет. Нетрудно заметить, что во всех этих сообщениях сюжеты, описанные Геродотом, претерпевают дальнейшее развитие в сторону большей фантастичности. Обобщая, можно констатировать, что все перечисленные свидетельства так или иначе вторичны по отношению к рассказам Геродота и поэтому не представляют для нас интереса в качестве самостоятельных источников об Аристее.

Иной случай представляет собой рассказ Максима Тирского (X, 2; XXXVIII, 3). В отличие от перечисленных свидетельств, этот рассказ даёт нам новый взгляд на Аристея – альтернативный сведениям Геродота и так же претендующий на статус нашего главного источника об Аристее[17]:

> (X, 2) У одного человека из Проконнеса тело лежало, ещё дыша, но только едва заметно и находясь почти при смерти. Душа же, выскользнув из тела, блуждала в эфире словно птица, наблюдая все внизу – земли, моря, реки, города, народы, события и природные явления всевозможные; а снова войдя в тело и пробудившись, она, используя его точно инструмент, рассказывала, что видела и слышала в каждом из мест.
>
> (XXXVIII, 3) В Проконнесе был философ по имени Аристей. В его мудрость сперва не верили, потому что он не мог указать для

III, 26; *Procl*. In Platoni rem publicam, II, 113; *Tzetz*. Chil., II, 723-735.

[15] *Strab*., XIII, 1, 16 C589; *Clem. Alex*. Stromata, I, 21; *Iamb*. Vita Pyth., 138; *Greg. Naz*., Oratio, IV, 59.

[16] Согласно Геродоту, в облике ворона Аристей появлялся только в Метапонте, но не в Проконнесе, и это превращение никак не связывалось с выходом души за пределы тела. Напротив, слова Геродота ὁ νῦν ἐὼν Ἀριστέης· τότε δέ ... εἶναι κόραξ скорее можно истолковать в том смысле, что в ворона превращался *сам* Аристей, а не только его душа. Отсутствие чёткого разделения тела и души является особенностью более древних представлений, чем те, что отражены в рассказах Плиния и Максима Тирского (XXXVIII, 3): Bolton 1962: 134-140; Burkert 1972: 149.

[17] Издание текста: Maximus Tyrius 1994.

> неё никакого учителя. Наконец, против людского неверия он придумал [следующее] объяснение. Он стал говорить, что его душа, покинув тело и взлетев прямо к эфиру, обходила кругом земли как эллинов, так и варваров, и все острова, реки и горы; что пределом этого путешествия была земля гипербореев; что его душа наблюдала по порядку все законы, политические обычаи, природу областей, перемены климата, морские приливы и разливы рек; и что картины небес, которые явились ей, были намного яснее тех, что [видны] снизу.

Коль скоро все остальные свидетельства об Аристее оказались вторичными по отношению к Геродоту, рассказ Максима, по сути, является единственным основанием для того, чтобы рассматривать Аристея в качестве мистика, который совершал свои путешествия исключительно астрально.

В разное время Карл Мёйли, Кен Дауден и Стефани Уэст пытались доказать, что рассказ Максима более точно и полно отражает содержание поэмы Аристея (и даже, что пассаж XXXVIII, 3 является пересказом её проэмия)[18], тогда как Геродот рационализирует её, выбрасывая всю мистику, подобно тому, как логографы часто рационализировали мифы[19]. Особенность этой гипотезы в том, что, строго говоря, источники не позволяют ни опровергнуть её, ни подтвердить[20]. В любом случае она сохраняет правдоподобие и право на существование.

Тем не менее, два обстоятельства подрывают доверие к рассказу Максима. С одной стороны, он игнорирует все те конкретные реалии, которые упоминает Геродот: киммерийцев, скифов, исседонов, аримаспов и грифов. Между тем, именно эти реалии являются наиболее надёжной частью наших знаний о содержании «Аримаспеи» (см. часть II), и только их упоминание могло бы свидетельствовать о достоверности сведений Максима. С другой стороны, рассказ Максима (особенно – X, 2), проконнесский и метапонтийский рассказы Геродота (IV, 14-15), а также сообщения Плутарха, Плиния и Аполлония (см.

[18] Dowden 1980: 491; West 2004: 57.

[19] Meuli 1935: 157-159; West 2004: 48-52, 58, 62, 64.

[20] Все аргументы Дауден и Уэст являются всего лишь произвольными интерпретациями: (1) что термин φοιβόλαμπτος у Геродота говорит о том, что Аристей совершал астральные путешествия: Rohde 1925: 300; Dowden 1980: 491; (2) что проконнесский рассказ Геродота (IV, 14) в действительности был почерпнут им из самой поэмы Аристея, чья мнимая смерть в валяльной мастерской была аллегорией его духовного очищения: West 2004: 52-53; ср. Ashery, Lloyd, Corcella 2007: 583; (3) что замечание Геродота о том, что Аристей добрался только до исседонов, а о том, что находится дальше, узнал только с их слов, вполне согласуется с идеей о том, что своё путешествие он совершал астрально, а исседоны существовали только в его воображении: West 2004: 60-62.

выше) явно близки по содержанию и могут рассматриваться как единая традиция, ядром которой выступал сюжет о мнимой смерти Аристея и его чудесных перемещениях на большие расстояния[21]. В таком случае рассказ Максима было бы удобно трактовать в качестве следующего после сообщений Плутарха, Плиния и Аполлония этапа в развитии этой традиции – этапа, на котором данный сюжет обрастает наибольшим числом фантастических подробностей[22]. Всё сказанное можно обобщить следующим образом: сведения Максима можно вывести и объяснить из рассказа Геродота, а сведения Геродота из рассказа Максима – нельзя[23].

В итоге мы приходим к следующему результату: за исключением пассажа Геродота IV, 13, отражающего сведения «Аримаспеи», все имеющиеся свидетельства об Аристее, которые представляют его в качестве чудотворца, – от рассказов Геродота и до Максима Тирского – не опирались на надёжные источники и поэтому не заслуживают доверия.

II. «АРИМАСПЕЯ»: СОДЕРЖАНИЕ И ВЛИЯНИЕ

Анализ содержания «Аримаспеи» следует вести в два этапа: (1) выявить сведения, которые связываются с ней наиболее надёжно и могут служить основой для реконструкции её содержания, (2) на этой основе искать возможные заимствования из «Аримаспеи» в источниках, которые на Аристея прямо не ссылаются, и тем самым расширять круг тем, которые могли затрагиваться в его поэме.

Единственной более или менее надёжной отправной точкой здесь вновь может стать приведённый выше текст Геродота (IV, 13, 16.2 = F. 1, 2 Bolton), где говорится, что Аристей добрался до исседонов, с чьих слов ему стало из-

[21] Об основе этого сюжета ср. Bolton 1962: 120.

[22] Bolton 1962: 142-175 предполагает, что образ Аристея-чудотворца обязан своим появлением влиянию пифагорейцев IV в. до н. э., а конкретнее – Гераклиду Понтийскому. Эта гипотеза в целом представляется правдоподобной, но нуждается в специальном рассмотрении.

[23] Кроме того, между рассказами Геродота и Максима есть и принципиальное различие. У Геродота (а также у Плутарха и Аполлония) речь идёт о реальной смерти, воскресении и чудесном перемещении Аристея «во плоти», а у Максима (а также Плиния и Суды) – о странствованиях его души вне тела. Meuli 1935: 157-158 полагал, что версия Максима является изначальной, а Геродот её по-своему рационализирует. Bolton 1962: 134-140, наоборот, считает, что представления о воскресении и перемещениях «во плоти», отражённые в рассказе Геродота, являются более древними, чем представления об отделении души от тела, лежащие в основе рассказа Максима. Rohde 1925: 328 и Bremmer 1983: 34 допускают, что обе версии сосуществовали изначально. Трудно сказать, чьё мнение ближе к истине.

вестно, что дальше живут аримаспы и грифы[24]. С этим текстом тесно связаны ещё два пассажа Геродота, источник которых скрывается под неопределёнными λέγεται/λέγονται: в первом сообщается о том, что на севере Европы много золота, которое одноглазые аримаспы похищают у грифов (III, 116.1-2); во втором описываются обычаи исседонов (IV, 25.2-26), далее повторяется сообщение о том, что выше них обитают одноглазые аримаспы и стерегущие золото грифы (ср. IV, 13), и дополнительно объясняется, что ἅριμα у скифов значит «один», а σποῦ – «глаз» (IV, 27)[25]. Этнографически правдоподобное описание обычаев исседонов[26], а также лингвистическое объяснение этнонима и ссылка на скифов и исседонов указывают на хорошо информированный источник в основе этих сообщений. Что особенно важно, оба пассажа отражают те же представления о разном уровне достоверности сведений об исседонах и об аримаспах, что и отрывок IV, 13.1, основанный на данных Аристея: Геродот подчёркивает, что сам не верит рассказам об аримаспах (III, 116.2), о которых известно только со слов исседонов (IV, 25.2, 27), тогда как о самих исседонах «известно точно» (γινώσκεται ἀτρακέως: IV, 25.2). Таким образом, с достаточной уверенностью можно предполагать, что пассажи III, 116.1-2 и IV, 25.2-27 также опираются на сведения «Аримаспеи» и для её реконструкции могут служить следующим по степени надёжности свидетельством после IV, 13 = F. 1 Bolton.

Таким образом, данные Геродота позволяют уверенно связывать с «Аримаспеей» только две темы: (1) сведения об исседонах; (2) рассказ об аримаспах и грифах, который, судя по названию поэмы, стал её центральным сюжетом[27].

---

[24] Так же рассуждает Bolton 1962: 39.

[25] Последнее сообщение об аримаспах и грифах сопровождается пояснением (IV, 27), что о них рассказывают исседоны, от которых этот рассказ переняли скифы, «а у скифов позаимствовали мы, другие» (ἡμεῖς οἱ ἄλλοι, т. е. греки и все остальные). Ссылку на скифов здесь можно истолковать как намёк на то, что это сообщение не зависит от Аристея. Однако это слишком слабое основание для того, чтобы строить на нём далеко идущие выводы. Вполне можно предположить, что Аристей в своём рассказе об аримаспах ссылался и на исседонов, и на скифов. Кроме того, анализ того, как Геродот ссылается на свои источники, показывает, что его ссылки на рассказы тех или иных народов – египтян, персов, вавилонян и т. д. – совершенно не обязательно подразумевают, что ему на самом деле их сообщали некие «египтяне, персы, вавилоняне и т. д.». В большинстве случаев есть веские основания полагать, что в действительности такие рассказы заимствовались им из греческих источников, возможно, даже письменных: Fehling 1989.

[26] How, Wells 1928: 311-312; Bolton 1962: 76-79; Пьянков 2005; Ashery, Lloyd, Corcella 2007: 600-601.

[27] Аристей говорил также о киммерийцах, скифах и гиперборeях (*Hdt*., IV, 13), однако, с одной стороны, нам не известно никаких подробностей о том, что именно он сообщал об этих народах, а с другой стороны, о них писали и многие другие авторы, явно не зависящие от Аристея.

Показательно, что один из двух дошедших до нас отрывков из «Аримаспеи» рассказывает именно об исседонах и аримаспах (*Tzetz*., Chil., VII, 678-684; пер. А. В. Лебедева, ФРГФ. С. 96)[28]:

Исседы власами своими длинными горды
И говорят, что над ними живут человеки – соседи
С севера, многи числом и воители храбрые очень,
Многоягнисты они, многобычливы, конебогаты,
Каждый на лепом челе имеет единое око,
Густоволосые, всех превосходят могучею силой.

Соответственно, именно упоминания об исседонах, аримаспах и грифах следует рассматривать в качестве маркеров сведений, которые могли быть заимствованы из «Аримаспеи»[29]. Но прежде чем обратиться к поиску таких заимствований, необходимо рассмотреть следующий вопрос: был ли Аристей единственным источником сведений об исседонах и аримаспах?

Ответ на этот вопрос не лежит на поверхности. Прежде всего, сомнения в том, что Аристей был единственным источником, вызывает то обстоятельство, что Геродот дважды упоминает об исседонах в контексте не-аристеевских географических описаний[30]. Первый раз он отмечает (I, 201), что массагеты обитают «к востоку, в направлении восхода солнца, по ту сторону реки Аракс (здесь – Волга)[31], напротив (ἀντίον) исседонов», то есть, как сказали бы мы – на одном меридиане с ними (ср. *Hdt*. II, 34)[32]. Второй раз он помещает исседонов к востоку от аргиппеев (IV, 25.2), таким образом замыкая описание пути, ведущего на восток от Танаиса (IV, 20-25). При этом у нас нет оснований думать, что какие-то сведения о массагетах или о пути к аргиппеям могут восходить к Аристею[33]. Тем не менее, против предположения, что Геродот использует

[28] Второй дошедший отрывок «Аримаспеи» (*Ps.-Long*., De sublim., X, 4) сложен для интерпретации и поэтому не будет нами рассматриваться. См. Bowra 1956; Bolton 1962: 9-12; West 1965: 194, n.1; перевод: Пьянков 1978: 188; ФРГФ 1989: 96.

[29] Так же рассуждает Bolton 1962: 39.

[30] Пьянков 1967: 175 предполагает, что Геродот здесь опирается на новые источники, а не на Аристея.

[31] Пьянков 1975.

[32] Доватур, Каллистов, Шишова 1984: 185.

[33] Поэтому, когда некоторые исследователи приписывают эти сведения Аристею, например, Bolton 1962, это является чистой фантазией; это же отмечает Пьянков 1967: 175, приводя литературу вопроса. Описание массагетов Геродот, скорее всего, получил из отдельного источника: Пьянков 1975, а о пути к аргиппеям, по его же собственным словам (IV, 24), рассказывают некоторые скифы, которые добираются до них, а также эллины из гавани Борисфен и других гаваней; подробнее см. Пьянков 1969; Пьянков 1998.

здесь новые, не-аристеевские сведения об исседонах, говорит то обстоятельство, что он не сообщает о них никаких подробностей, которые бы отличались от данных Аристея. В первом случае Геродот не говорит об исседонах вообще ничего, а во втором его сведения о них, как отмечалось выше, хорошо согласуются с пассажем IV, 13. Кроме того, Геродот подчёркивает, что скифы, рассказывавшие о пути к аргиппеям, добирались только до этого народа, а о том, что находится дальше, было известно лишь со слов аргиппеев: что там живут козлоногие люди и спящие по полгода (IV, 24-25.1). Из этих слов следует, что ни скифы, ни аргиппеи об исседонах не сообщали. В таком случае остаётся неясным, откуда же Геродоту стало «точно известно» (IV, 25.2), что за аргиппеями обитают исседоны? Напрашивается предположение, что появление исседонов в не-аристеевском контексте является результатом компиляции. Иными словами, изначально ни в рассказе о массагетах, ни в описании пути к аргиппеям исседоны не упоминались. Однако, поскольку Геродот доверял сведениям Аристея и хотел найти для них место в общей географической картине, он поместил исседонов за границами территорий, описанных другими источниками, то есть – севернее массагетов и восточнее аргиппеев. Во всяком случае, сведения Геродота не позволяют утверждать, что об исседонах ему было известно из каких-либо иных источников, кроме Аристея. Тем не менее, даже такой вывод не может исключить возможность того, что исседоны и аримаспы быть известны грекам и помимо Аристея, и даже до него, и что сам Аристей мог находиться под влиянием этих не дошедших до нас известий. Однако такая возможность остаётся в области непроверяемого и недоказуемого[34].

Далее мы рассмотрим свидетельства других источников, в которых могли отразиться сведения «Аримаспеи». При этом мы ограничимся только теми случаями, где влияние «Аримаспеи» представляется наиболее вероятным[35].

До Геродота об исседонах или аримаспах упоминали только три автора: Алкман, Гекатей и Эсхил. Относительно Алкмана (PMG. F. 156) и Гекатея (FGrH. 1. F. 193) нам известно лишь то, что они упоминали исседонов (Steph. Byz. s.v. Ἰσσηδόνες). Фрагмент Алкмана вызывает диаметрально противоположные трактовки: одни исследователи предполагают, что он был знаком с «Аримаспеей»[36], поскольку иных источников сведений об исседонах нам не известно, другие же отрицают это, так как он использует не-аристеевскую

[34] Так же: Jacoby 1957: 552-553, Anm. 5.

[35] Прочие свидетельства, связь которых с Аристеем менее вероятна, см. Bolton 1962: 39-73; Пьянков 2005: 15-35.

[36] Bowra 1956: 1, n.2; West 1965: 193-194; Bolton 1962: 5, 40, 43-44.